

Адасинская Галина Антоновна
1 (13-05-04)

А когда-нибудь рисовали своё древо, генеалогическое?

Пыталась. Нет, это сложно, потому что ... нельзя даже свести концы с концами...

Видите как тут... Мои бабушка и дедушка – в «Большой Советской энциклопедии», по-моему, 28-го года [издания] - Бройде Ева Львовна и Бройде Марк Исаевич. Вот, мои бабушка и дедушка. Они оба – члены РСДРП с этих самых времен, но когда произошел раскол на большевиков и меньшевиков, они остались в меньшевиках, и уехали в Германию. Вот. И бабушка в Берлине, она редактировала журнал, «Социалистический вестник» он назывался. Это орган меньшевистского ЦК. Она была членом этого ЦК. Вот. В 28-м году, чего-то такое, меньшевики зашевелились и решили встретиться здесь, в России. И она поехала сюда. Её на границе арестовали, в 28-м году. Посадили. Вот, и она... Ой, и она сидела, потом её отправили в ссылку, потом отправили во вторичную ссылку. Вот. И она... (сейчас соображу, когда она умерла) ... Она во вторичную ссылку, она была в Ташкенте в ссылке, потом, значит..., потом ее отправили в ссылку в... называлось в то время Тувинская автономная национальная область какая-то, в общем. Юг Красноярского края. Вот. И мы её потеряли. Разыскивали. Ответов никаких не могли получить. И только потом узнали, что её снова там арестовали и отправили в Орловский политический изолятор, город Орёл. А, когда «запахло» уже войной, этот орловский политический изолятор расформировали, и опять она потерялась. И только потом уже, много-много лет спустя мы узнали, что она оказалась в Красноярске, её расстреляли в Красноярске в 19... 1947 году, по-моему, что-то такое. Но всё это не подтверждено документально...

Не подтверждено?

Не подтверждено. Я пыталась..., ну, это уже не так существенно. Это бабушка. А дедушка – он умер своей смертью в Германии от операции, операция аппендицита.

А в каком году?

Он... Где-то в 29-м, по-моему... Ну, в общем, давно. Вот. Это бабушка и дедушка.

Это мамы родители, да?

Это мои бабушка и дедушка.

А мамы родители, да?

Мамины. Да.

А вы их помните?

Помню, конечно.

А с бабушкой, когда вы виделись?

В 34-м году. Она сидела, а-ха (смеется), в нашем «золотом кольце» - Суздале. Суздаль – это же был политический изолятор. Суздальский монастырь сейчас! Вот. Она сидела там. И нам разрешили свидание с ней. И мы все: папа, мама, я и брат поехали в Суздаль. 34-й год. Вот. Тогда я её видела последний раз. Вообще она очень интересный человек... Писала много. Она мне там... Причем, нам не разрешили видеться всем вместе, мы по одиночке ходили: мама пошла, папа пошел, я пошла. Ну, братишка был маленький, ему не разрешили. Вот. Она получила письмо за подписью Сталина. Она показывала мне. Ну, конечно подпись Сталина это - факсимиле. Вот. Но там было написано, что «мы ценим ваши заслуги перед революцией», хотя она еще до

революции боролась против царского режима. Вот. В Сибирь. В общем, наша семья (смеется), в основном, жила в Сибири, начиная с бабушек и дедушек. Вот. «Мы помним ваши заслуги, вашу революционную деятельность и просим только об одном – чтобы вы забыли о том, что вы член РСДРП, а подписывались своим обычным именем». Она отказалась. В общем, это ни к чему не привело. Вот. А я потом уже, не так даже и давно, пыталась, через «Мемориал», кстати, тоже писал, я писала во все эти верховные наши... с просьбой о ее реабилитации. Всё-таки у человека какие-то заслуги есть перед революцией. И мне отвечают: «Основания для реабилитации нет». И всё. Вот так. Ну теперь ее уже нет в живых.

А когда это вы пробовали последний раз?

Я уже не помню. Ну, во всяком случае... Вот. И вот о бабушке. Была, значит, моя мама. Это была старшая дочь. И кроме того, от второго брака у нее были еще дочь и сын – тетя Верочка и дядя Данечка.

А вторым браком она была замужем за кем?

Так... А, вот, Бройде – это второй её муж. Марк Исаевич Бройде. А первый её муж был Эдельман такой. Но у, у нас никто, не сохранилось никаких...

И ваша мама – Эдельман? Или... ?

Она поступила учиться, моя мама, девочкой, вот тогда она была Эдельман. А потом эта фамилия исчезла из нашей семьи как-то. Вот. И бабушка, и эта ее дочь и сын от второго брака, они уехали в Германию в 22-м году, по-моему. Да, в 22-м году. Вот я вам говорила, там бабушка работала в этом... Интересно, когда она сидела в Суздале, в этом политическом изоляторе Суздальском, ей разрешали сотрудничать с этим «Социалистическим вестником». Ей присылали корректуру, по её запросам выписывали книги из библиотек Лондона, там, Берлина, откуда-то. В общем, она вела такую активную писательскую жизнь. Но это ни от чего её не спасло. Вот. А дядя и тетя, они жили в Германии, в Берлине до прихода Гитлера. Мы евреи все. Правда, очень такие..., «седьмая вода на киселе». У нас никто не знает еврейского языка, никто не говорит по-еврейски. Мы совершенно не соблюдаем никаких еврейских этих самых уставов, законов. Но считается – евреи. Вот. И когда запахло уже фашизмом, они уехали из Берлина в Лондон – тетя Верочка и дядя Даня. И жили там до самой смерти своей. Вот. Тятя – она журналистка по образованию, вот, писательница. К сожалению, я вот, сейчас мне не найти, они заставлены, у неё довольно много книг, такие обще... ну, о нашей семье, вот она что-то такое... Причем, она писала на русском языке. Русский язык она... и дядюшка тоже... Они блестяще его помнили, хотя столько лет как уже жили за границей. Вот. Дядя – он инженер-электронщик. Он работал в очень крупной фирме. «Инглиш Электрик» – фирма называлась. Потом эта фирма слилась с итальянской фирмой «Эливетти». Он работал там коммерческим директором и он очень гордится тем, что он первый из зарубежных каких-то фирм, он сумел наладить торговлю с Советским Союзом. Тогда только-только начали появляться машины эти. Вот. Причем, основное его направление, в его инженерной деятельности, - он изобретал считывающие устройства с этих... В общем, вот эти, вот, штрих-коды – вот это его изобретение. Вот эти индексы на почтовых конвертах, вот это тоже он ввел. И первую такую машину, которая занималась вот этим, считывающими всякими..., он продал нашему министерству морского торгового флота. Ну, сейчас это маленькие штучки, а тогда это занимало целый этаж – такая машина. Вот. Он очень был горд. И это министерство тоже ему было очень благодарно, потому что у них была картина всего

нашего флота всегда: где, какой корабль, куда плывет, благодаря вот этой машине. Вот. Еще у него много интересных было ...

Его звали Даниил Бройдэ?

Да. Даниил Маркович. А тетушка – Вера Марковна. И, вот... И она умерла совсем недавно. Она девятьсот седьмого года рождения, умерла два года тому назад, почти доживя до 100 лет. Причем, мы с ней разговаривали частенько, потому что писать я уже, к сожалению, не могу, у меня глаза: и глаза, и руки плохо слышат. Разговаривать я могу. Я всегда поражалась, что она столько лет... Всё-таки с 22-го года, и вот до нашего времени... Язык... Ну, совершенно никакого акцента, ничего. Чистейший русский язык. И вот ушел такой человек.

Она была замужем?

Да. Муж её до сих пор жив. Сын у неё тоже... Причем, муж её – (несколько раз подряд чихает). Вы видите, это чистая правда, честное... Муж ее историк по основному своему направлению. Причем, сфера его деятельности была средневековая французская литература. Он писал, лекции читал, его приглашали и во всякие университеты мира. Он известное лицо.

А как его зовут?

Норман Кон. Вот. И сын у них, Ник Кон, тоже писатель. Причем, значит, он свое первое произведение, небольшой рассказик такой, он написал, когда ему было 19 лет, и по этому рассказу поставили фильм. Он иногда даже у нас появляется [фильм] - «Лихорадка в субботу вечером» называется этот рассказик. Он получил миллион долларов сразу, сходу, мальчишка совсем еще. Вот. А второе его произведение – это уже был большой роман – не то «Базар», не то «Рынок»... «Рынок», по-моему, назывался. В общем, так. Он был очень скандально встречен. Но, тем не менее, он пишет... Вот. Он был женат. Они приезжали к нам все: тетушка, Ник, его невеста Джил - такая девочка, молоденькая. Вот. И дядя Норман. Они приезжали к нам, по-моему, в 64-м году?.. Да, по-моему, тогда. Да. Вот. Ну, так кроме тетушки никто русского языка из них не знает, то мы общались так, поверхностно. Но, тем не менее, славные молодые люди. Ник этот жил. Джил, она работала секретарем в какой-то крупной косметической фирме. «Нина Риччи» – может быть, вы слышали, такая фирма косметическая. И вот эта Джил, она работала там секретаршей. Она мне привезла вот такую коробку: всякие пробные кремы, духи, пудры, - всё такие маленькие флакончики. Ой, такая прелесть! Я одарила всех своих приятельниц. Вот. А потом, значит, они с этой Джил... У них дочка родилась. Но они разошлись. Он снова женился, Ник. На... Микоэлла, такая. Она тоже писательница, детская писательница. Ну, у нас..., мы не знаем её. Вот. И они живут. Они купили себе остров в Атлантическом океане. И там живут они и несколько их собак, больше никого нет. Там раз в две недели прибывает катер с побережья, привозит им туда продукты, что... Вот так живут. Совершенно оторваны от мира. В общем, интересные люди все такие. А дядя Норман – это вообще чудо, а не человек! Он после своей этой французской литературы занялся теорией психозов и гипнозов массовых. Это, когда у нас уже 37-й год пошел, когда Гитлер, там, это все... заправлял. Вот. Он страшно этим увлекся. И написал огромную книгу. То есть, может, не огромную по объему, но по содержанию. Вот именно о массовых психозах и гипнозах. И эта книга получила там какие-то международные признания. И так интересно было... Значит, как-то ... созвонились там... ему сказали, что, «мистер Кон, мы хотим к вам прийти, мы от еврейской общины, хотим с вами поговорить.» - «Ради Бога!». Пришли старики,

бородатые, такие канонические еврейские старики, и говорят, что, «мы, вот, пришли к такому выводу, что вот ваша книга в этом году, она внесла самую большую лепту в историю еврейского народа». Вот. А там есть какая-то у них, где-то там, не знаю, то ли в Тель-Авиве, то ли где, есть какая-то книга, в которую раз в год золотыми буквами записывают имя человека, который в этом году сделал больше всех для еврейского народа. Там у них и принц датский, который спасал евреев, там еще кто-то... И вот, значит: «Мы считаем, что ваше имя тоже заслужило того, чтобы быть записанным в эту книгу». Вот, конечно это просто... – «Дело в том, что я не еврей, - сказал он, - у меня мама ирландка». Господи! Они так растерялись, они... Значит, у него отец – еврей, а мама – ирландка. И, вот, действительно, кто он по национальности? Евреи ведь по матери считаются. В общем, они ушли-и-и, и долго их не было. Потом через какой-то промежуток времени, они снова пришли и сказали: «Нет. Мы решили, что в данном случае, это не играет роли». И его имя, значит, там где-то записано. Вот. Ну, вот, действительно, ведь эта теория... Как иначе объяснить вот это безумье фашизма и безумие наше, вот, этого террора страшного? Вот. Это дядя Норман. Он немножко моложе, чем тетушка. Он еще жив. Ну вот так вот как-то сейчас...

А, скажите, в 34-м году вы видели бабушку первый раз или до этого вы тоже видели? Нет, мы сами жили... Мы уехали в 22-м году. В Берлин тоже мы уехали. Папа работал... такая потребительская организация «Центросоюз» называлась. Вот. И его направили на работу в Берлин. Это по линии потребкооперации, которая когда-то очень у нас была модной. Вот. Мы приехали... Я родилась по дороге туда. В 21-м году... В это время мы доехали до Вильнюса, тогда это был польский город – Вильно. И вот в этом Вильно я появилась на свет. И у меня в метрике было написано: «Место рождения – город Вильно, Польша». Так что я тоже... Попробуй разберись, кто я. Вот. И мы тогда жили в Берлине до двадцать... Когда мы приехали сюда? До 27-го года. Так что тогда мы с бабушкой тесно общались. Дедушку я звала не «дедушка», а дядя Мотя. Вот. И Верочка в это время тоже там жила, и Данечка. Но они еще маленькие были. Так что я видела её.

А какая была бабушка?

Ну, какая была? Во-первых, она была довольно крупная, массивная. Оптимистка, веселая, никогда она не падала духом. А ведь столько... Такую жизнь прожить!.. Еще до революции – в Сибирь, по линии царских гонений. И чего добились? Господи Боже мой!

А как она относилась к большевикам? Бабушка.

Как она относилась? Ну, как, Господи! В какой-то степени лояльно, конечно. Но она же меньшеви-ичка. У нее совсем другие были идеи и другие идеалы, и другие принципы. Так что... Мне трудно об этом говорить, я в политике не очень сильна...

А что бабушка говорила о власти о советской, о советской России?

Боже упаси! Никогда она об этом... У нас в доме ни слова никогда не говорилось об этом! Что вы, Господи Боже мой! Это же нужно иметь не голову на плечах, а не знаю что, чтобы до-о-ома заниматься разговорами о власти. Господь с вами! Гораздо интереснее говорить о книгах, о музыке, о друзьях, о чем угодно. Нет.

То есть, при вас, при детях просто не говорили?

Да, нет. Вообще, просто у нас не было этого «в заводе», что называется, заниматься политикой дома. Политика – это... работа, это писание какое-то. Но дома – нет. Дома не говорили никогда.

И ваша бабушка и дедушка занимались политикой – это было их работой, но дома они этого не обсуждали с детьми?

Конечно, нет. Политика – это такое грязное дело и раньше, а теперь особенно. Вот... Вот это по линии моей мамы. По линии папы. Тут вообще не знаешь даже, с чего начинать. Папа, он сын сапожника. Причем, сапожника не простого, а сапожника, который шил сапоги офицерам. Высшей квалификации сапожник. Он родился в городе Липецке. Был такой, и щас он есть. Но щас это какой-то огромный металлургический комбинат, а когда-то это был маленький городок. Я помню, я там была, это прелесть такая! Городок, который окружал вал, земляной вал, весь обсаженный яблонями. Такой запах! И потом...яблоки – это ж... Вот. Это папин папа. А папина мама, она была чешка. Да, а папин папа, он был поляк, кроме всего прочего. Фамилия – Адасинский. Вот. А мама папина была чешка. Родом из города Брно. Вот. Она приехала в Россию девочкой совсем, 16-летней. Просто на заработки, потому что семья у них... Фамилия у нее забавная – Шпильбауэр, фамилия бабушки. Вот. И познакомилась это вот с папиным папой, поженились, и вот я её... Она жила у нас несколько лет, потом опять уехала. Кроме папы там было еще несколько братьев и сестра. Вот. Они так и жили где-то вот в районе Липецка... Я, когда получала паспорт, в 37-м году, года мне шестнадцать лет исполнилось, даю метрику – молодой человек, который выписывает все, он смотрит: отец – поляк-чех (смеется), мать – еврейка. Он говорит: «А, что же мне вам писать?». Я говорю: «Да, что хотите. Мне совершенно всё равно». «А какой ваш родной язык? На каком языке вы, в основном, говорите?» Я говорю: «Я знаю только русский». – «Ну, я напишу вам рус...» Я по паспорту была русская (смеется). Вот вообще... Это страшно оскорбило моих следователей, когда меня арестовали. Потому что они были все евреи, и знают, что я еврейка, и вдруг перед ними лежит паспорт, в котором написано «русская». Вот. В общем, это долгая история. Я говорю, что вам не хватит всё слушать. И вот, мы, значит, приехали в 22-м году, в 21-м я родилась. Да, в 22-м мы приехали в Берлин. Уже там жили и тетя Верочка и дядя Данечка, маленький еще. Вот. И мы жили там до 27-го года. А потом мы решили вернуться, или папу отозвали по работе... Я тут подробно боюсь вам, да... Подождите-ка, вы должны знать: Иофе такой был, а? В «Мемориале».

Да, да, конечно.

Знаете его, да? Он очень пристально занимался нашей семьей. У него фотографии, у него выписки из всяких документов. Вы там у него узнаете больше, чем я вам расскажу.

Нет, вы знаете, дело в том, что он никогда не записывал на диктофон ваших рассказов. И потом он умер уже.

– Да.

Да, два года назад И поэтому его записки, его записки, которые большей частью не расшифрованы, касаются только биографических справок, он собирал «Меншевецский архив»...

[Когда он узнал, что] еще жива моя тетушка, родная до-очка известной меньшевички, он примчался ко мне... Он... я ему... он снимал копии с моих фотографий, у него фотографии бабушки и дедушки, и все там есть. Так что, если вы докопаетесь там - это вам поможет. Вот. Ну, в общем, вот так мы жили.

Подождите минуточка. А как звали вашу бабушку – маму папы, маму отца?

Маму...

... отца вашего.

Отца.

Имя вы не помните?

Антонина Иосифовна.

Антонина Иосифовна. А вы её помните?

Помню хорошо. Она здесь жила несколько лет. Причем, она до последнего дня она так смешно... Вот она говорила с таким акцентом. Я.. даже не повторить. Кормила она нас чешскими блюдами всякими. Вот. И она всё время вязала. Она... У неё был такой молитвенничек маленький на чешском языке, и она, значит, сидела у уголка стола, рядом лежит этот открытый молитвенничек, она туда заглядывает... Ой, а руки вяжут. Вяжут, вяжут, всё время вяжут. Всех нас обвязывала. Хорошая, милая старушка такая была.

Она была лютеранкой или католичкой?

Наверно, католичка..., наверно. Боюсь соврать, я как-то этим ... не интересовалась.

Потом она...

А отец был католиком?

Отец? Мой папа? Да мы все атеисты. Из глубины веков.

Подождите, вы сказали, что его отец был поляком?

Ну, дак, поляк – это нация, а не вероисповедание.

Понятно. А его..., он не был крещен? Или не обращен родителями ни в какую веру, да?

Он – нет. Меня-я крестили! Из-за чего? Просто когда я произвелась на свет, вот там, в Польше, и нужно было ехать дальше в Германию, меня уже нужно было оформлять, на меня какие-то дорожные документы, а их не выдавали без свидетельства о крещении. И меня потащили крестить (смеется).

То есть вы католичка, да?

Да. Причем, мой крёстный отец – ксёндз какого-то там костёла, который по дороге попался. Причем, крестили меня Еленой, потому что имени Галина у них нет в Святцах, у поляков. Так что я вообще еще... Я говорю, не разберётесь в нашем семействе... Вот. Ну, никогда это имя в нашей семье не звучало. И к своему крещению... Я совершенно к нему равнодушна.

А мама как об этом рассказывала вам? Как вы об этом узнали? Кто рассказывал вам об этом?

Ну, кто... папа или мама, кто-нибудь.

То есть рассказывали как анекдот такой, да?

Именно как анекдот.

А бабушка? Бабушка Ева Львовна Бройдэ, она не исповедовала никакой веры?

Не-ет, нет. Я вам говорю, что у нас атеизм глубже нас самих. Нет, нет. ... а так, в основном, бабушка. Вот её... её подруга – Елена Дмитриевна Стасова. Знаете это имя?

Угу.

– Вот. Это бабушкина подруга. Вот у нас есть где-то фотография даже с её надписью. А мы... Потом начались несчастья в нашей семье. Арестовали папу в 38-м году. нас выслали в Рыбинск. Потом меня арестовали. Потом маму арестовали. И потом, когда уже началась эта полоса (спасибо Хрущеву!), началась полоса реабилитаций, реабилитировали быстро, и меня, и папу, а маму никак почему-то не реабилитировали. Не знаю, в чем там была... Какая заковыка была у неё в статье? И вот мы написали Стасовой, и она помогла. Если бы не она, мы бы еще неизвестно, где жили бы. Вот так.

А, подождите, вот, в 27-м году вы вернулись в Россию...
Да.

... в Советский Союз. И где вы жили после возвращения?

Здесь, в Питере. В доме политкаторжан.

Подождите, он был построен, по-моему, в 30-х годах, а в 27-м году был какой-то другой дом политкаторжан?

Нет. До 27-го, до дома политкаторжан мы жили на Васильевском острове, на 12-й линии, дом 37. Там был завод, «Политкаторжанин» назывался. Это длинное, я помню даже, вдоль фасада этого завода, «Поли-иткаторжанин» было название. Завод, который занимался изготовлением эфирных масел и эссенций. Вот. И вся продукция уходила за границу. Получали оттуда валютой, там чего-то еще... И вот на эти средства был построен дом политкаторжан. Это политкаторжане сами себе построили эту «республику на колёсах». Что вы, Господи!.. Это был изумительный дом. Во-первых... Вы его видели? Знаете, да? Его архитектурный эскиз, этого дома, макет на Парижской архитектурной выставке 30-го года, по-моему, получил золотую медаль за воплощение конструктивизма! (смеется) Вот. Да хорошее, действительно, очень... Изумительно было удобно для людей. Это маленькое... называли все «республика на колёсах». В этом доме всё: прачечная, котельная, сапожная, пошивочная... потом, как она называется, – артель по изготовлению рыболовных принадлежностей. Это уже потом её устроили, чтобы, когда посажали всех политкаторжан, чтобы женам было хоть чем-то там заняться. Вообще, ужасно! Слушайте, в этом доме, там было... 132 политкаторжанина жило. Ну, семей там было иначе. Мы жили в последней квартире. У нас 137-я была квартира. И из этих 132 политкаторжан в живых осталось 12! Все остальные погибли в 30-е годы. Вот, такое вот... Ужасно... Вот так вот.

А ваш отец где работал?

Трест... Как же назывался? Трест «Коммунснаб». Был замом главного бухгалтера. Он и в Берлине работал в этом «Центросоюзе» тоже бухгалтером. У него причем такая высокая квалификация была бухгалтерская, что его иногда приглашали в какие-то там знакомые организации, где требовалось произвести чистку баланса. Вот, что-то «не шло», на копейку «не шло». Кто выручит? – Адасинский. У него, действительно, вот такой был талант! Причем, он мне говорил: «Галинька, только никогда не становись бухгалтером!». Я всю жизнь проработала бухгалтером (смеется).

Это он вам говорил?

Да.

А почему?

А он потому что считал, что... Не знаю даже, почему... Что это скучная работа, что это..., не то, что скучная, а не воодушевляющая.

Он не любил свою работу?

Не знаю, любил или не любил, но работал он великолепно. Он вообще был очень красивый человек. Очень красивый! Очень правильное лицо у него было. Ой... (вздыхает). Мой сын похож на него. Но мне сейчас не хочется лезть и искать, когда-нибудь я найду эти фотографии... Вот. И всё было хорошо. А потом, значит, когда мы построили дом, мы первые въехали туда, в 32-м году, он еще официально даже не был принят. Вот. Мы въехали туда и прожили там благополучно до 38-го года. В 38-м году всё рухнуло.

А отец так и работал бухгалтером и вот в каких-то...

Трест «Коммунснаб» назывался. Это на Невском он располагался. Не помню, в какую систему она входил...

А, скажите, что стало с этой фабрикой «Политкаторжанин»?

– Ничего, к сожалению, там... Это химический завод. Он так и остался химическим заводом. И я как-то попыталась туда попасть. Там какое-то химическое... Я пришла туда. Домик, в котором мы жили во дворе этого завода, это раньше была обойная фабрика братьев Брэннэр, немцев. Хорошенький, двухэтажный, с мезонином домик, фасадом выходил на эту 12-ю линию, и там отделка была очень красивая, такая глазурованная плитка с каким-то орнаментом. Вот, я пришла туда, это уже ... после того, как мы снова вернулись в Ленинград... Поднимаюсь на крылечко – заперто. Я стучу – открывается окошко, выглядывает какая-то физиономия: «Вы, что? Вы к кому?». Я говорю: «Мы жили в этом доме, я хотела посмотреть, что с ним сейчас стало». – «Ничего с ним не стало, сюда запрещено». И всё. И не пустили. Вот так. Какое-то там производство осталось...

А кем был отец? Он тоже был социал-демократом?

Он попал мальчишкой в сферу влияния эсеров... **(конец кассеты 1, ст.А)**

«Мальчишкой в сферу влияния эсеров» (повторяю сказанный кусок, не записавшийся из-за смены стороны кассеты)

Ему было 14 лет, ему какие-то там давали листовки распространять. В общем, какое-то принял активное участие, и его посадили в тюрьму. Это было..., сейчас я вам скажу..., это было до революции... Теперь не вспомню... Вот. И когда он... Он попал, отсидел в тюрьме сколько-то лет и попал в ссылку в Сибирь. Вот в Сибири он познакомился с мамой. А мама была (смеется) со своей мамой, которая... вся семья там была в ссылке. Ой (вздыхает)... Вот. И когда случилась революция, ведь все эти ссыльно-поселенцы, политкаторжане, они были освобождены не Октябрьской, а Февральской революцией, и поэтому они никогда не праздновали 7-е ноября, они праздновали 13 февраля. О, это было так интересно! У нас, в этом нашем доме политкаторжан был огромный зал, вообще великолепные были общественные эти все: библиотека прекрасная, столовая замечательная, детский сектор, пионерский какой-то там был, комсомольский – в общем, всё для всех поколений. Вот. И был этот большой зал. И вот в феврале съезжались, кто еще живые, и кто жил в этом доме. Приезжал Емельян Ярославский. Не слышали такое имя? Он был почетным старостой Общества политкаторжан. Николай Морозов, шлессельбуржец. Он был почетным членом нашего Общества. Я его хорошо помню: маленький, седенький, вот с такой седенькой бородкой, и румя-я-яньенькие щечки такие у него были. Вот. И они сидели там, рассказывали, вспоминали. выпивали, а потом начинали петь свои каторжные песни.

А какие песни?

Ну... щас вспомню... Ой! «Динь-бом, динь-бом, слышен звон кандалный... путь сибирский дальний», что-то такое, «...нашего товарища на каторгу везут». А как она начинается?

«Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль,
Колодников звонкие цепи
Вздывают дорожную пыль,
Динь-бом, динь-бом, слышен звон кандалный,
Динь-бом, динь-бом, путь сибирский дальний...

И там дальше что-то такое. Потом эта, «Бродяга к Байкалу подходит». Тоже они любили эту песню. Потом «Александровский централ», вот, её не помню совершенно. Помню название, но не помню. В общем, вот такой был замкнутый круг этих политкаторжан. В общем, они своими собственными руками обеспечили будущее свое и своих детей. Вот до сих пор... расхлебываем. Ой. Вот такой, вот.

А, скажите, пожалуйста, в вашей семье так и праздновали 13-е февраля?

В семье ничего не праздновали. Праздновали в Доме.

В Доме.

Да.

А в семье какие праздники праздновали?

Все. Когда было что-то вкусное, можно было приготовить, всё праздновали.

И 7-е ноября праздновали?

Наверное. 7-го ноября день рождения моей дочери, Олечки. Она умерла. Вот. Так что... поэтому, вот, всегда приглашались кто-то. Ну, так как это был общесоюзный праздник, его персонально не удавалось отпраздновать. Но тем не менее...

А 1-е мая праздновали?

Во всяком случае, ни на одной демонстрации я в жизни **не бы-ла**. Могу сказать уже с гордостью.

А родители?

Господи! Еще бы они пошли! Господь с вами. Нет.

А в Берлине? 1-е мая не праздновали?

Нет. В Берлине кто 1-е мая мог праздновать. Нет...этих политических праздников не праздновал никто.

А, скажите, пожалуйста, вот ваша бабушка, вы не помните, как в Берлине вы праздновали 13 февраля?

Да, мы не праздновали! Господи! Это здесь празднуется, а там-то что? Там я помню хорошо, что мы ёлку там праздновали.

Рождество или Новый год?

Новый год, конечно. Новый год, но ёлка у нас была. Нет, Господи, служащие люди, рабочие люди, да не рабочие, а работающие, поэтому, какие там праздники? Нет, о праздниках и речи не было. Ой, да...

И что, вот, вы переехали в 32-м году первыми в эту 137-ю квартиру. А где она была, на каком этаже?

На шестом. У нас там было три корпуса. Был корпус Петровский, корпус Невский, нет, Каменноостровский, и Невский. Три корпуса. Это, вот, в Петровском корпусе, на шестом этаже. Лифт, как правило, всегда был испорчен (смеется), поэтому бегали пешком. Квартиры были... Я потом была там уже, в 60-е годы, думала, может быть... Как мы все-таки мирились всегда?... Квартиры были... Потолки низкие по нынешним временам, комнаты небольшие, но всё-таки у нас было три комнаты и балкон. А папа мой обожал красить, страшно любил возиться с красками. Поэтому дважды в год все комнаты перекрашивались. Одна была розовая, другая – голубая, третья – зелёная, потом – наоборот. Что-то такое делали... Вот. Потом... А балкон наш был, это вообще была оранжерея настоящая. Папа, у него были большие лёгкие, и его каждую осень отправляли в Крым. Там у нас был свой санаторий политкаторжан в Ливадии. И папа привозил оттуда всякие листочки, росточки какие-то там, почти всё, что там росло. И всё это у нас на балконе втыкалось в ящики. Было очень весело. Вот. Вообще,

конечно... Таких людей как папа, я больше в жизни не встречала. Это был совершенно святой человек. Святой! Про него говорили: «У Адасинского нет врагов». Его все любили. Это была такая лучащаяся доброта, вот, какая-то, исходила от него. Скромный советский служащий. Ай... (вздыхает)

А были еще дети, кроме вас?

Брат. Митя. Он исчез во время войны, исчез просто. Ни в списках погибших, раненых – нигде его нет. Исчез.

Он в Ленинграде был?

Нет. Он был в Средней Азии..., и видимо... Мы получили от него письмо в 43-м году, и там он писал, что, «наверное, нас скоро отправят на фронт». И, видимо, отправили, и, видимо, не довели до фронта... Ну, Бориса Васильева читали «В списках не значился»? Вот. Тоже нигде... Куда мы..., куда я ни писала: во всякие комсомольские организации, эвакуопункты, там, какие-то – нигде-нигде. С концами ушел человек.

А там он был в эвакуации, в Средней Азии?

Нет, он был... Он учился в школе-ПТУ, и эту школу эвакуировали в Бухару, в Среднюю Азию. Так, что практически... Да, в эвакуации со школой-то своей... В общем, даже говорить не хочу просто...

А, скажите, пожалуйста, в школу вы пошли в Ленинграде, да?

В школу – да. Да, да, в 29-м году. А школа наша была, знаете, какая? Нынешнее Нахимовское училище. Это была наша школа. Бывшее Петровское реальное училище. Ой... Великолепное здание, построенное специально для учебного заведения: светлое, большие классы, широкие коридоры; зал физкультурный в два этажа был. Условия великолепные были для занятий. А педагоги какие у нас были! О-о-о! Я кончила девять классов почти, не успела. И, вы знаете, всю свою жизнь я никогда не чувствую какую-то ущербность в разговорах с людьми, у которых за плечами всякие там институты, академии... Я ни сколько не дурнее их, ей Богу! Там прекрасные педагоги были. Причем, педагоги... Математик был Осип Романович Гинзбург, помню прям, как сейчас. Он чертил на доске без всяких линеек и без циркулей прямые, окружности, что угодно. Причем, когда мы начинали какую-нибудь новую тему, он нам обязательно читал какие-нибудь латинские стихи. Латынь. Он обожал её. Вот. Горация он читал, и что-нибудь такое... Осип Романович... Забавный был человек такой. Один раз... А наша школа долгое время находилась под влиянием, была одно время такая псевдонаука – педология. Эти педологи – они оккупировали нашу школу. Нас снимали с уроков, с нами занимались какими-то, там, дидактическими всякими упражнениями, что им писали, решали. В общем, мы их обожали, потому что можно было законно уйти с уроков (смеется). Было очень забавно, школа - вот, это самое училище, выкрасили, там было пять этажей, значит, первый этаж – такой бледно-палевый цвет, потом постепенно цвет густее, густее а пятый этаж уже – кра-а-асный, пламенный. Они, это педологи – их идея была, что ребенок приходит в школу, ну, усталенький, из дома, его нужно поддержать морально и физически. И вот это нагнетание красок – оно придавало ребенку... как это называется? - Эмоции какие-то. Забавный был народ, Господи!

А красный цвет, не слишком ли его?

Нет.

Не угнетал вас красный цвет?

Нет, нет. Не такой – не пламенный красный, а просто густо такой... Я даже помню

фамилию своего педолога – Прянишников был такой. Ой, интересная жизнь... А кто еще преподавал в этой школе? Все учителя были с дореволюционного времени? Да, да. Преподавал историк Фельдман, Фельдман Лев Исаакович. Причем, наши преподаватели – это были, в основном, профессура Индустриального института, Политехнического. Тогда он назывался Индустриальный. Так что очень образованные люди. Лев Исаакович Фельдман, он был влюблен во французскую революцию. Он писал, у него какие-то труды были об этом. И, вот, когда ребята... А я и тогда очень плохо видела, и поэтому мой стол всегда стоял визави со столом преподавателя. И мне ребята говорят: «Слушай, вдруг он сегодня надумает опрос устроить? Ты уж как-нибудь его там отвлеки». И, действительно, начинается урок, причем у нас занятия были двухчасовые, по принципу высшей школы. Лев Исаакович открывает журнал и говорит: «Ну, кого мы сегодня будем опрашивать?» Меня уже толкают сзади, я говорю: «Лев Исаакович, скажите, пожалуйста, а вот во время французской революции дамы ходили на высоких каблуках или...?» В общем, любой вопрос совершенно не... Боже мой! Журнал в одну сторону, книги – в другую, облакачивается, и на два часа интереснейший рассказ! Причем, с таким эффектом личного присутствия! Он так умел рассказывать! Ой, такая прелесть была! Очень хороший. Это Лев Исаакович. Это Осип Романович. Физичка у нас была Софья Эммануиловна, но это уже молодая была. А, Петр Михайлович Лавров, наш русист. Прелестный челок, он очень хорошо... Он русский язык и литературу преподавал. Причем, я за всю свою школьную жизнь не сделала ни одной ошибки ни в одном диктанте, ни в одном сочинении. И у меня так и значилось в характеристике: «врожденная, абсолютная грамотность». Вот. И этот Петр Михайлович, он очень хорошо учил нас, как запоминать всякие правила. Сейчас я вспомню... «Я же запомнил, запомнил ли ты, три бы частицы писать без черты, - **же, ли, бы**». Вот такой! А остальные все с черточкой. И еще. А, вот, эта была чудная фраза. Щас я её вспомню... Как запомнить глухие согласные, перед которыми не «з», а «с» пишется в слове. И вот такая фраза: «Петька, хочешь щец? – фис!» Все согласные в этой фразе, это все глухие и перед ними не «з», а «с» надо было. Только на последний «ф» «с» у него не хватило фантазии... Поэтому мы запоминали... «Петька, хочешь щец? – фис!». А потом... Сейчас... Ой, как же ... Шипящие. «Поезд мчится скрежеща, - **же, че, ша, ща, же, че, ша, ща**». Вот. Прелестные фразы, и на всю жизнь... И не надо учить грамматику никакую. Вот такие... Хороший был народ. И, вы знаете, я потом встречала девочек и мальчиков из нашего класса. И они все помнили вот этот, какой-то высокий интеллектуальный уровень образования. Что мы не просто там писали какие-то диктовки... А по поводу диктовок у нас тоже было интересно... Так как знали, что я пишу без ошибок и сижу за первой партой в среднем ряду, и вот когда Петр Михайлович... У нас были такие условные знаки. Я сидела, а в параллельном ряду сидела Инночка такая, Шапиро, тоже очень грамотная, вторая по грамотности после меня. Вот. И мы с ней выработали такой код условный... там, - тире, двоеточие, восклицательный знак, вопросительный знак, еще там что-то такое. И вот, диктант продиктован. Все что-то написали. А потом Петр Михайлович еще раз его прочитывает. Вот. Я держу руку за спиной, и на все знаки показываю условные. Инка смотрит на меня и передает их дальше. И Петр Михайлович всё поражался, что очень много орфографических ошибок, а синтаксических нет. Все почему-то очень правильно пишут. А потом он нас разоблачил. Хорошее было время, конечно... И, вот... А потом всё рухнуло...

Ой, подождите, еще не рухнуло... У меня еще вопросы есть. А вы с первого класса учились в этой школе?

Да. Причем, меня принимали в третий класс по подготовке: я писала, я читала, читала я с четырех лет. Писала, считала, читала. В общем, я была хорошо подготовлена...

А как вы научились читать?

Книжки в доме всегда были. Всегда хотелось их читать. Это само как-то приходит. Во всяком случае, никто меня не учил. Просто читала, читала... И своих ребят: и дочку, и сына – все с четырех лет читали у меня. Это необходимо. И отсюда и грамотность, кстати сказать.

А поступили вы всё равно в первый?

В первый.

И были «сильные» дети такие же с вами, или разные по уровню?

Разные были, конечно. Разные были дети. Но вообще у нас хороший народ был, грамотный в то время.

А поступить было трудно в такую школу?

Школа была обыкновенная.

Обыкновенная?

Обыкновенная.

Это просто была ближайшая к дому школа? Родители её не выбирали?

Нет, нет. Тогда этого не было ничего. Она называлась - 21-я средняя образцовая школа. Потом её переделала в «Первую опытную». Вот как раз появились эти педагоги великолепные. А потом опять она сошла на уровень обычной школы... Вот это было проще все гораздо.

А ваши друзья? С кем вы дружили в школе?

Моя лучшая подруга – её тоже звали Галя, Галка, Галка Ветрова. Первая красавица в классе была. Она была «Галка-прима», а я была «Галка-секунда», вторая. Называли нас «Галка-примус» и «Галка-керосинка». Мы с ней дружили всю школу, до моего отъезда. До того как нас выбросили... Ай (вздыхает)... Вот, а так, кое с кем еще дружили. Я бы не сказала, что какие-то особенные были дружбы... Нет, у нас просто дружный был вообще класс.

Класс был смешанный? Или девочки только?

Смешанный.

А кто-нибудь был еще из детей политкаторжан?

В школе?

В вашем классе?

Да. Вот, Инночка Шапиро, отец её политкаторжанин был. Одна. Потом... В следующий раз, если Вы соберетесь к нам, я поищу фотографии, и тогда я вам вспомню.

А учителя, кто-нибудь были из политкаторжан?

Нет.

Нет? А, вот, вы сказали, что этот круг был изолированный, в каком смысле изолированный? То есть в него не приходили чужие или он не пополнялся какими-то другими поколениями? Как это происходило?

Политкаторжане? Да, это была такая замкнутая сфера какая-то. Потому что всех объединяла их прошлое, революционное прошлое. Всех объединяла их каторжное и ссыльное состояние предреволюционное. И потом уже состояние признанных. Мы писали в анкетах: «Отец – профессионал-революционер». Это же звучало! Вот. А

потом это всё сошло на нет...

А где вы писали такое в анкете?

Ну, вот, когда в комсомол поступала, или куда-то.

А как же комсомол? Комсомол – это же большевистское...

А какая разница?.

...изобретение для молодежи.

Ну, и что. Мы-то ведь были... Мы росли вместе со страной. Мы были и пионерами, и комсомольцами.

А родители как к этому относились?

Совершенно спокойно.

То есть они нормально относились... Лояльно относились к большевикам, да?

Слушайте, этот провокационные вопросы. Их нельзя задавать. Никогда на эту тему в семье разговоров не было. Никогда.

А как вы вступали в пионеры? Как вас принимали?

Не помню (смется). Совершенно не помню.

А октябрёнком вы были?

Наверное. Не знаю. Не помню. Комсомолкой – вот это я помню свое комсомольское...

Там было как раз... Когда арестовали папу, тут же собирается общее комсомольское собрание, и ставится вопрос о моем исключении из комсомола. Вот, значит... Мы собрались в зале все, народу много, сидит какой-то представитель из высших этих органов. И ставится вопрос, что, «вот, Адасинская сейчас враг народа, и ее надо исключать из комсомола»... В общем, такое, вот... И я стою и говорю, что «еще ничего не доказано... отец мой враг народа или нет»... И встаёт кто-то из ребят из нашего класса, и говорит: «Если Адасинскую исключат из комсомола, мы все уйдем из комсомола». И вот я помню до сих пор эту рожу, которая сидела там за столом и заправляла... Он сидел на стуле красный как помидор: «Это, что?! Это провокация! Это отсутствие бдительности!» Но меня из комсомола не исключили.

А кто это был такой смелый?

А какой-то из райкома комсомола.

Нет, нет. Кто был такой смелый из класса?

Не знаю. Вы знаете, не могу. Наши ребята почти все погибли на войне. И я не могу...

Потом, когда я уже вернулась в Питер, и пыталась... Кто-нибудь, может, помнит, кто это был? Не помнит никто. Кто-то был такой...

Это мальчик был, да?

Мальчик. Кто-то из наших...

А в каком году это было, в 38-м?

В 38-м.

И сразу же после ареста отца?

Да.

Не много времени прошло?

Буквально на следующий день.

А о других таких случаях вы не помните, когда собирался еще комсомольский коллектив из учеников, и исключали из комсомола кого-нибудь?

Не помню.

В 37-м этого не было?

Может и было, я не помню. Не помню.

То есть в таких собраниях вы не участвовали больше?

Нет.

И вы продолжали учиться после ареста отца?

Да.

А как долго? Вам дали закончить школу?

Девять классов только.

А вы не помните 34-й год? Убийство Кирова? Какие-то еще события такие, связанные с «волнами» репрессий? В городе. Или в школе. Как вы это переживали?

Я помню только одно, что когда убили Кирова, то мы, ребята, между собой все хором говорили, ну, не хором, конечно, но между собой говорили, что Кирова убил Сталин. Вот это было наше твёрдое убеждение.

А откуда оно пришло? От взрослых или как? Как вы это обсуждали?

Да, нет. Сами, между собой. Мы думающие были дети. Кирова мы обожали! Мы очень его любили. Он, когда были какие-то наши пионерские слёты, или что-то такое, он всегда присутствовал. Ребята, маленькие, вот, октябрюта на нём вешались прямо, гроздьями висели! Он же ходил совершенно свободно, без всякой охраны. Мы с ним контактировали как-то очень хорошо. Чего-то у нас, у ребят, сложилось сразу такое мнение, что Сталин убил Кирова.

А к Сталину как относились?

Никак.

Не боялись?

А чего бояться? Чего нам бояться было?! – Дети.

А родители?

Сталина никто не боялся у нас. Мы его не любили и не уважали. Знали, что это страшная фигура, что он него можно ждать, чего угодно. Нет, это... это...

А радио в доме было?

Наверное, наверное. Как же без радио-то?... Телевизоров-то не было.

А когда о нем из радио шли такие пропагандистские какие-то речи, вот, «враги народа», «раскулачивание», «кулаки»...?

Это я не помню. Я еще девочкой была совсем.

А не помните, например, что отец выключал радио?

Нет.

А включенного радио не помните? Не росли под включенным радио?

Что?

Не было у вас в доме всё время включенного радио?

Нет. У нас был маленький приёмничек, который папа сам собрал... на этих... микрокристаллах. Я помню, что мы Гитлера слушали. Какой-то его парад поймали. Исторический голос такой, вопли эти. Это я помню.

А что папа говорил?

Слушайте, вы – провокатор. Вы знаете, у вас очень нехороший стиль общения. Мне не нравится. Вы такие вопросы задаёте... Так нельзя разговаривать. «Что папа говорил?» Папу расстреляли... на... третий день после ареста. Что папа мог говорить? Папа был святой человек! Папа обожал животных, обожал природу. Мы с ним с самой ранней весны ездили за город, собирали там какие-то червячков, личинок, жучков. Рыбки у нас были какие-то; птички в доме жили. Господи! Нам еще о Сталине думать... Больше нечего было...

Ну, вы извините. Дело в том, что для меня это как раз очень интересно и важно. Если вы слушали Гитлера вместе с папой, то папа, наверное, мог что-то говорить о Гитлере, или просто...

Конечно, нет. Ну, зачем он, маленькой девочке будет что-то грить?! Просто, мы слышали... «А, ты слышишь, это Мюнхен», - он мне говорил. Вот. И я только помню этот истерический голос. Помню до сих пор.

А вы знали немецкий?

Я приехала в Россию, не зная русского языка. За год я забыла немецкий и освоила русский. Ну, всю жизнь немецкий я так... помнила немножко. Я когда сдавала экзамены за 10-й класс, я сдавала экстерном, потому что я не училась этот год. Вот. И учительница что-то у меня спрашивала, я отвечала. Она у меня спрашивает: «Откуда у вас такое хорошее произношение? Вы, наверное, учились в какой-нибудь группе?». Раньше это было: там какая-нибудь знающая мама, собирает пять-шесть человек и занимается этим, немецким, французским... Я сказала: «Да, да». Я не сказала, что мы семь лет прожили в Германии..

А дома тоже говорили на немецком?

Нет, только на русском.

Дома, в Германии, с бабушкой, с дедушкой?

На русском.

На русском, да? А в Германии вы ходили в какой-нибудь детский сад или только дома были?

Только дома.

А отец вас учил рисовать? Он рисовал хорошо? Или только он любил красить стены? Что?

Он любил только красить стены, менять цвет. Или он рисовал хорошо?

Нет (смеется), только красить. Только красить...

А мама? Расскажите о маме. Кем она работала?

Мама работала... Она, в основном, училась. Она всю жизнь у меня училась. Когда мы жили в Берлине, она училась в Берлинском университете. Когда в Сибири жили, она училась в Томском университете (смеется). Когда мы здесь оказались, уже в Ленинграде, она училась в Технологическом институте. Вот. А работала она... Была такое бюро... Как оно называлось? Бюро по делам изобретений, по-моему. Она работала экспертом там. В общем, такой образованный человек, технически образованный. Эксперт... Как же оно называлось?... Ну, Комитет по делам изобретений, это точно. Вот там она работала?..

А ваш брат какого года рождения?

25-го. ... (сбой пленки) ...

[(Начинает смотреть в кроссворд, потом включает телевизор). Спрашиваю, не устала ли она, будем ли продолжать разговор? Говорит, что будем, но продолжает смотреть в кроссворд. Спрашиваю):

– Что конкретно не устраивает в моих вопросах?]

– ... именно тон, стараетесь что-то такое выловить, какие-то там... неприятное какое-то... «Что говорили о Сталине?», «Что говорили о Гитлере?»... Господи, Боже мой! Ну, а что? Это вам что-то напомнило неприятное? Или что?

Ничего мне не напомнило! Просто мне не нравится! Потому что я всю жизнь, и вся наша семья, мы были очень далеки от политики. Мы никогда не занимались этими... И,

тем более, дома еще обсуждать всё...

Нет. Ну, понимаете, ведь вы прожили такую большую жизнь, с таким родителями, с такими бабушками, дедушками, с такой своей собственной судьбой и знать о том, как формировались ваши взгляды, что обсуждали в семье, что говорили родители, их мнение, это очень, мне кажется, важно.

Не знаю. Во всяком случае, я всю жизнь отметала от себя всё, что могло внести какой-то..., какое-то неприятное... Я была где-то выше и в стороне от всей этой сумятицы, от всего этого... тусклого, неинтересного бытия. (Раздражена, говорит резко)

А что вас вдохновляло в детстве? Какие книги читали?

Книги. Только книги. Читала всё подряд.

А кто были ваши любимые герои? Героини?

Диккенс. И герои его романов. Вот это я ... До сих пор я раз в несколько лет, вот, у меня там стоит, я перечитываю свои любимые романы, и плачу до сих пор на тех же самых местах, что и в раннем детстве. Прелесть!

А какие любимые романы были Диккенса?

«Крошка Доррит». Это вообще шедевр, я считаю! И все хорошие: и «Николай Никельбери», и «Домби и сын» - прелестный совершенно! Да...

А вас не было принято чтение вслух дома? Нет?

Нет.

А родители, что любили читать?

У них было мало времени. Папа очень поздно работал, приходил с работы всегда очень поздно – бухгалтерия. Мама со своими институтами, тоже всегда... Вечером у нее... То черчение она делает дома, то еще что-нибудь... Они были занятые люди.

А у вас мама сама вела хозяйство? Или был кто-то, кто помогал?

Нет. Сама.

А няни у вас не было?

Не-а. Только то время, когда жила у нас папина мама, тогда она помогала. Стряпала, нас всякими этими угощала, кнеликами, там еще чем-то... Даже не помню ...

А у брата тоже не было няни?

Нет.

А вы не помните, такой герой есть, пионер-герой Павлик Морозов?

Господи! Какое мы имели к нему отношение?! (с нескрываемым раздражением)

А школа как-то формировала ваш моральный взгляд?

– Нет, Только образование.

А когда вы были совсем юной, к чему вы стремились?

А?

К чему вы стремились в юности?

Я... Я мечтала быть археологом и мечтала быть библиографом. Но то и другое, к сожалению, не получилось. **(конец кассеты 1, ст.В)**

Г.А. Адасинская – Кассета 2 (13-05-04)

Галина Антоновна, а об аресте отца расскажите, пожалуйста. Как он был арестован?

Это было при вас?

Да. Его начали арестовывать с 29-го года. В 29-м году его арестовали, по-моему, три раза. Арестовывали... и он приходил обратно. А этот раз... Это потом нам рассказали, что в подъезде сидел молодой человек и ждал его. Вот. А когда, видимо,... Знал его в лицо, и когда папа появился, он сказал, что (это папа рассказывал еще) «вам придется

пройти со мной». Папа говорит: «Разрешите я поднимусь, скажу об этом семье». – «Да, пожалуйста». Пошли наверх, пришли... И с ним пришло еще два, кажется, человека. У нас сразу против входа моя комната была, маленькая комнатка; потом средняя комната, где... Она общая такая, гостиная; и третья комната – это комната брата была. Брата в этом время дома не было. А почему, я не помню. Болел? Что ли, где-то был? В общем, я слышу, что там они чего-то ходят, о чем-то разговаривают. Потом подошли к моей двери и чей-то голос спрашивает: «А что здесь?». И папа говорит: «Это комната моей дочери». – «А-а, ну, хорошо». И не стали даже заглядывать ко мне. И ушли. И папа ушел с ними. Всё. Потом, значит, я вышла в комнату, у нас высокая книжная полка была от пола до потолка, и там на полу валялись какие-то книги – правда, да их подобрала. Потом выяснилось, что они унесли с собой... У папы были изумительные альбомы фотографий Севера. Папа участвовал в экспедиции по Северному морскому пути в качестве фотокорреспондента, на ледоколе каком-то они там плавали вдоль берегов. И папа фотографировал. И изумительные были снимки! Эти они унесли с собой. Потом было у папы, тоже с Севера он привез, несколько старинных, еще рукописных, книг, в северных каких-то деревушках ему удалось найти. Это тоже унесли с собой, а так ничего... Какой-то есть у нас журналист... ой, Сви..., Свирудельский..., Свирузерский какой-то... Он написал большую статью «Политкаторжане». Она была в «Известиях», по-моему, опубликована, где-то у меня есть. И там он описывает всё это, и пишет о нашей семье, об аресте отца. И пишет, что когда ушли эти самые, «злые люди», то весь пол был усеян томами Ленина. У нас в жизни Ленина в доме не было! Откуда он взял?! (смеется) Вот так зарабатывают эти вот, журналисты... Ой...

А он тоже с вами беседовал до того как опубликовать эту статью? Этот журналист. Да. Значит, было так. Он позвонил, представился и сказал, что «мне нужно с вами встретиться и поговорить». Я говорю: «Пожалуйста, приезжайте». Он говорит (такая грубая фраза была): «У меня таких как вы – десятки. Никакого времени не хватит к вам приезжать». Вот так он выразился. Я сказала: «Ну, извините». И повесила трубку. Видимо, спохватился, потому что перезвонил и сказал: «Вы меня извините. Давайте поговорим по телефону». Ну, пожалуйста. Он задавал какие-то вопросы, а я отвечала. Вот. Ну, вот это... о Ленине, о разбросанном по полу... Это же надо такую фантазию придумать!

А скажите, когда отец плавал вот в эти экспедиции по Северному морскому пути? Я вам сейчас скажу. Это было в двадцать... Мы только что приехали... 27 – 28-й год это было.

А он хорошо фотографировал?

Да. Блестяще! Такие фотографии!...

А вы не знаете, как его специально пригласили в эту экспедицию? Как случилось так, что он там был в этой экспедиции?

Специально, вероятно. Потому что он был... Его знали, как фотографа.

А какие-нибудь его фотографии у вас сохранились?

Его? Нет.

А как получилось, что вы всё это время, вы так и были в этой комнате, в своей? Вы не выходили, когда он пришел?

Нет, нет. Они ко мне не зашли, и потом значит... собрались уходить, я слышу, что там

дверь начинают... И папа говорит: «Разрешите, я зайду попрощаюсь с дочкой». – «Пожалуйста, пожалуйста.» Он зашел, обнял меня и сказал: «Галюшка, ты во мне не сомневайся». Вот так, вот.

А скажите, как вы думаете, он предполагал, что его могут арестовать?

Конечно, конечно. Жили в Берлине... Уже ведь «пахло» войной, так что всё, что было связано с Германией уже было «на крючке».

А как это проявлялось. Вот, вы говорите, что он с вами не обсуждал каких-то таких вещей...

Конечно.

Но вы это чувствовали? Или вы это знали? По предыдущим арестам? Или кого-то вокруг арестовывали, из знакомых? Вот, ожидание ареста? Как? В чем оно выражалось?

Просто была нагнетённая обстановка... Вот, после убийства Кирова это началось. По нашему лестничному маршу вдруг арестовали нескольких бывших эсеров. Папа говорит: «Вот, меня тут, наверное, подхватят». Прошло. Потом арестовали поляка. Городицкий. Даже помню фамилию его, жил этажом ниже. Папа говорит: «Наверное, и до меня доберутся». Не тронули. А потом, вот... всё равно схватили...

То есть это уже папа говорил при вас, да?

Да, это я сама слышала.

Но вам уже в то время было 16 или 17 лет?

Мне было... Сколько было... В 38-м... Семнадцать.

А мама? Что мама говорила что-нибудь в этот период?

Ничего. Ничего не говорила.

А вот это напряжение, в чем оно... Как оно чувствовалось? Просто арестовывали всех вокруг, да?

Конечно. Не всех. Многих. Но политкаторжане, они чувствовали, что они... к ним относятся с подозрением.

А в каком смысле с подозрением?

Что?

Вы сказали, что политкаторжане чувствовали, что к ним относятся с подозрением.

Я не могу сказать точно, в чем... Просто ощущалось... Гнетущее чувство, что арестовывают, это уже знали все.

А страха не было?

Не-а.

А как вы думаете, страха не было, потому что он вообще был не свойствен, вот, людям этого круга? Профессиональным революционерам?

Может быть.

А страха и потом у вас не было?

Я никогда в жизни ничего не боялась. Никогда.

Как вы думаете, почему большую часть людей в стране удавалось как-то держать под страхом?

Поддержаться.

Держали именно страхом. Многие говорят так.

Это для меня чистая загадка. Я этого не понимаю. Почему я должна бояться? (говорит опять с раздражением) За что я должна бояться? За свою шкуру? Не знаю. Мне это непонятно... Я работала в Ярославле..., а на выходные дни ездила к маме, которая

жила под Ярославлем. Обычно после работы, вечером, и там мне нужно было пройти пять километров, из них два с половиной километра лесом, а два с половиной – чистым полем. Зимой. Ха. И, вот, когда иду лесом, там пустые какие-то, или что-то там растёт, и кажется, что за этим кустом кто-то сидит. Я обязательно подойду к этому кусту, обойду его кругом, убежусь, что там никого нет, и спокойно иду дальше (смеется). А так вас папа воспитывал? Или, вот с детства? Что не надо бояться, не знаю, темноты, еще чего-то, леса?

Не знаю. Что-то врождённое, по-моему.

Что мир не страшен, бояться нечего, да?

Бояться нечего.

А государства?

А что, государство?

Ну, я не знаю, с государством, Российской Империей же боролись и ваши родственники, и предки, и родители? Государства не надо тоже бояться?

Не знаю.

А как родители рассказывали о своей ссылке в Сибирь? Вот, вам.

Папа рассказывал, как он познакомился с мамой. Он работал там тоже по линии потребкооперации. Обходил, там, эти фабрики, собирал пушнину, там, что-то такое...

И вот как-то пришел к ним домой, но не знал кто это. В общем, он постучал, ему сказали: «Войдите». И он вошел и увидел, что женщина моет волосы полуголая (смеется). Он страшно засмутился, ушел, но вернулся, когда уже голова была высушена. Вот так он познакомился с мамой.

А о том, как он сидел в тюрьме не рассказывал?

Не-а.

То есть в семейных рассказах не было такого, что тюрьма – то место, куда ни в коем случае нельзя попасть второй раз?

Нет. Папа у меня был огненно-рыжий. Я была темно-рыжая. Брат мой был огненно-рыжий... А там всё это... И как он посидел в тюрьме. Посидел в 19 лет. У него...

Поэтому общий тон был такой золотистый блондин, голова была. Только если стоять с ним рядом, то видно, что одна волосинка рыжая, другая – седая. И мама, чтобы от него не уйти далеко, она всю жизнь подкрашивала волосы ромашкой в золотистый цвет.

А у неё какой естественный был оттенок?

Чёрный.

Чёрный?

Это при мне было. Папа... Она что-то спрашивает: «Ты хоть помнишь, какого я естественного цвета?» – «Какого? Рыжая.» «Да ты что! Я – чёрная». – «Если бы я тебя встретил чёрную, я бы тебя не полюбил». Ха-ха-ха! Вот!

А вас выслали не сразу, да?

Папу арестовали 12 февраля 38-го года. А выслали нас 18 августа 38-го.

А, скажите, пожалуйста, передачи вы носили в тюрьму?

Когда папу арестовали, деньги нам разрешалось передать.

Деньги, да? А где он сидел, на Шпалерной или в Крестах?

На Литейном.

А вы с мамой ходили передавать деньги? Или мама одна?

Я ходила.

Вы ходили?

Маме некогда было.

А как это выглядело? Вы стояли в какой-то очереди?

Небольшие были очереди... Я знала, что папино дело числится... за прокурором Израилит, такой. Я подходила к окошечку... Да, и можно было передавать, по-моему, 35 рублей.

А как часто?

Раз в месяц. По-моему, каждого 17-го числа. Да, 17-го. И я пришла 17-го... Какой же был месяц?... А, июнь. 17 июня я принесла 35 рублей, и, значит, нужно говорить..., назвать имя прокурора, за которым числится дело. А когда я пришла 18-го числа, здесь же, через месяц, - июля, деньги у меня не принимают. Я говорю: «А, почему? А можно поговорить с прокурором Израилит?» – я спросила. Мне сказали: «Прокурор Израилит расстрелян как враг народа» (смеется). Вот так. А 18 августа нас уже отправили.

А как это обстояло? Ваше выселение. Вы получили какие-то документы, предписания? Чего-то не помню... Вызвали. Сказали, что в течение суток собраться. Потом снова вызвали, сказали, что откладывается. В Большой дом вызывали, там всё это сообщали. А мама должна была уволиться с работы, да? Или маму уже уволили к тому времени? Она работала в артели по изготовлению рыболовных принадлежностей, которая находилась в доме политкаторжан, и специально была создана для жён, которые, вот, остались.

Это уже после ареста отца она туда перешла, в эту артель?

Да.

А вы закончили в мае девятый класс?

Да. □ А брат?

А брат - седьмой, наверное. Он на два с половиной года моложе меня.

А с квартирой как было? Её забрали?

А, что квартира? Выселили, да и всё.

А ваши вещи, книги?

Всё осталось. Какое-то небольшое количество книг мы взяли с собой... Но при следующем этапе, при следующих событиях они тоже пропали, книги наши... Нам потом, когда мы вернулись, вот, в 60-м году нам компенсировали... Мы дали список мебели, которая у нас осталась в квартире, количество книг, которое осталось в квартире. И что-то заплатили. Спасибо и на том.

А как вы узнали, что вы должны ехать в Ярославскую область именно?

Вызвали и сказали.

В Ярославскую?

В Рыбинск. Рыбинск в то время был просто каким-то скопищем высланных из Ленинграда людей. Сплошные ленинградцы были. Интересный народ... Я почему-то вдруг... познакомилась там с какой-то очень приятной старушкой. Она принесла мне показать свою фотографию в молодости. Слушайте, такая красotka! Это – не передать, какой изумительной красоты женщина! И она меня взялась обучать французскому языку. И она мне всё время говорила? «Вы – барышня-крестьянка! Вы – барышня-крестьянка! Я никогда не поверю, что вы не знали французского языка». Ой. Всё, голубчик, я вынуждена с вами распрощаться. Я устала. Только продумывайте свои вопросы, и не спрашивайте у меня, что там, папа или мама говорили о вышестоящих фигурах. Не было у нас этих разговоров. У нас был открытый дом. У нас почти каждый вечер были гости. Причем, интереснейшие люди: весёлые, красивые. Наш очень

хороший друг был хороший художник – Акишин Леонид Ильич. Его несколько работ у нас в Русском музее есть. Вот. Потом был чудный совершенно такой человек... Тихонов Николай... Какое-то простое сочетание... Тихонов. Он был директором в Академии наук, когда нас еще, тогда в Академии... Он был директором лаборатории консервации и реставрации документов. Вот такой интересный... А хобби у него было... Он обожал духи. И на этой почве он с папой познакомился. И он всех своих знакомых женщин, он прежде всего проверял на их внутренний аромат, что называется (смеется). Вот. И всем женщинам советовал, какими духами она должна душиться. Ни какие-то покупные, он сам делал сочетания всякие... А папа его снабжал этими эфирными эссенциями, заводскими. Вот. Да, и тут как-то показали, и вот, Леонид Ильич Акишин по строительству, он написал его портрет, этого Тихонова. И где-то то, где-то мелькнуло, в какой-то передаче: показали эту лабораторию (она теперь, конечно, в Москве) и на стене висит портрет этой работы Акишина. Всё. Что я могу думать о Сталине, когда я всеми своими бедами обязана ему (опять возмущается вопросами).

Сталину?

Конечно.

А смерть какое на вас произвела впечатление, вот, его смерть?

Слава Богу! Слава Богу! (смеется)

А где вы были в то время?

В Сибири.

Там, где мама была в ссылке, да?

Да. Я была в Сибири по собственному желанию. У меня не было ссылки в приговоре. И просто, когда мама оказалась... А у неё был срок и плюс еще ссылка. И когда мама оказалась в Сибири, я поехала к ней, с внучкой, с дочкой. Застряла там еще на девять лет.

(Продолжение записи через неделю, 19 мая 2004)

У меня умерла дочка, в 90-м году. И я... У меня всё умерло. Я не стала ни записывать, ничего. Жизнь для меня остановилась на этом. А так ...

А так писали, да?

Да, что-то такое... пыталась записать.

Но эти сохранились записки, они у вас есть?

Да, да.

Можно будет посмотреть?

Знаете, что...откройте, вот, в письменном столе... (достаю из стола несколько папок, долго их рассматриваем, находим несколько страниц машинописи с текстом воспоминаний Г.А.)

В какой период вы это писали?

... Этого я вам не скажу...

То есть у вас было желание записать мемуары, да?

Какие мемуары, Господи! Еще таким торжественным словом! «Мемуары»! Ха! Просто записки какие-то..., воспоминания...

А мемуары и воспоминания разве не синонимы?

...

А стихи вы тоже писали?

Стихи? Писала...

С какого возраста писали стихи?

А всю жизнь...

...везли... Ох! На Тамбовской улице, в дом культуры железнодорожников. Там бы ла..., Как это называлось...

Неделя совести.

Да. Вот там я была. Там были... фотографии и папы моего, и мамы, и меня.

Увеличенные. И наши справки о реабилитации. Даниил Гранин.. Я сидела за столиком в середине, видно было как раз наш стенд. Даниил Гранин один смотрел, потом остановился около наших фотографий, долго стоял, смотрел и сказал: «Какие красивые люди». Ай... (вздыхает) А вот это...

Записки Юркевича опубликованы?

Господи! Кто их публиковал в лагере?! Нет, часть вообще-то... .. Украинец, и вот его вдова, она как-то списалась с каким-то украинским издательством, и они кусочек опубликовали из его воспоминаний. Да, это было так... бездоказательно, конечно.

Это сын?

Сын.

...это не важно, ваш рассказ.

Не знаю, почему, так мне просто...

То есть я могу взять один экземпляр этих воспоминаний, да?

Ну, возьмите.

Галина Антоновна, а в каком году они написаны, вот эти воспоминаний?

До 90-го года. Это точно. ...После я уже ничего не писала. Когда умерла дочка...

Это я вам могу сказать: в моей жизни мне никто нигде, ни в тюрьме ни в одной, ни в другой, ни в лагере, ни в Сибири, – мне никто никогда не сказал грубого слова. Я уж не говорю, тронуть меня пальцем. Я была всегда абсолютно ограждена от всякого покушения на мою личность, на мою свободу. Такое, знаете... Я не знаю, чем это было вызвано, но такое уважительное отношение ко мне было всеми, где бы я ни была. Я помню своих следователей: Роман Захарьевич Бендерский, был такой, сравнительно молодой и Леонид Осипович Бебин. Два их у меня было. Потом еще какой-то Кантор приходил, но я с ним не общалась. И вот эти два следователя... Разговор всё время шел на равных. Не было у них желания ни оскорбить меня, ни унижить, нет. Просто вот как за столом сидят и разговаривают люди... Вот ведь...

А я помню в первый раз вы мне сказали, что они были возмущены тем, что вы по паспорту «русская»?

Ну, ладно, возмущены, но просто возмущены – это не ругались они, не орали, а просто поразились, как это так... Это было весело...

Весело?

Весело, конечно.

А что предшествовало аресту? Вот, с чем он был связан? Или он абсолютно внезапно был? Вообще расскажите, как вы там жили, вот, в Ярославле, в Ярославской области? Когда нас выслали в Рыбинск, мама пошла на учительские курсы, а я пошла работать в библиотеку. Потому что я, когда мы жили еще в Ленинграде, я очень много читала, очень любила книги. У нас в доме политкаторжан была прекрасная библиотека, которой заправляла такая Мария Аркадьевна... Ой, у нее двойная фамилия... Я всё время забываю... Не помню. Генеральская дочка, уже не молодая. Вот. Она... Ой.

Ладно, потом всплывет [фамилия]... Она была в эсеровской группе, боевой группе, которые занимались, этими, террористическими актами, вот, и она работала в лаборатории, была у них такая, где делали эти бомбы. И вот, в какой-то неудачный момент у нее в руках взорвалась вот эта самая бомба. И ей оторвало пальцы. У нее остались такие квадратные ладошки. Вот. И несмотря на это она прекрасно писала, меня научила библиотечному почерку, мне это очень пригодилось. Степанок-Беневская – вот ее фамилия. Красивая женщина когда-то была. Да, Степанок-Беневская. Вот. И когда нас выслали из Ленинграда, 18 августа 38-го года мы уехали, и мама в этом Рыбинске пошла на учительские курсы, а я пошла работать в библиотеку. Там была, кажется, какая-то библиотека. Вот. А я, благодаря этой Марии Аркадьевне, я, во-первых, прекрасно владела этим библиотечным почерком, так что карточка там заполнять я могла очень хорошо. Да вообще, у меня уже были какие-то знания по систематике... В общем, я там очень пригодилась. Когда я пришла в эту библиотеку, там, в Рыбинске, мне было четырнадцать лет еще, девочка совсем [ошибается, ей было 16]. И там были уже немолодые женщины, все старые девы, вот. Ну, они убедились, что я что-то в этом смысле, и кто-то из них меня спросил: «А как вас зовут?» Я сказала: «Галя». «А, Галина. А по батюшке?». «Галина Антоновна». И вот меня всю жизнь, где бы я ни работала, меня всегда звали по имени и отчеству. Чего-то такое, приклеилось это ко мне. Кроме моих близких друзей, которые меня звали «Галочка». А так «Галина Антоновна». Вы знаете, обычно, в учреждениях, там зовут: «Гося! Таня!», - там как-то. Никогда. Только по имени отчеству. Вот какая я была!

А что предшествовало моему аресту?

А как вы устроились в Рыбинске? Вы там сняли какую-то комнату?

Где?

В Рыбинске.

В Рыбинске? Да. Через Волгу ходили водяные трамвайчики. Вот. Я работала на одном берегу, а комнатку мы сняли на другом берегу... Даже не помню... Вот. И каждое утро я ездила на трамвайчике в город. Вечером возвращалась обратно. И всегда ... **(конец кассеты 2 ст.А)**

[Матросы на пароме ругались между собой матом]... у меня было такое чувство, как будто меня бьют по лицу. Я не выношу никакого мата, всего этого... Я плакала. Они ругаются, а я плачу. А им, наверное, нравилось. Вот. И в то лето было страшно много пожаров: там горели дома, и почему-то именно на том берегу, где мы жили. Ой. страшное зрелище! Горит дом и брёвна прозрачные! Раскаленное дерево... Это жуткое зрелище было! И там мы жили... Значит, приехав туда, ... в августе 38-го... В общем мама кончила эти свои учительские курсы и ее отправили на работу в область Ярославскую, в деревню там какую-то, большое село под Ярославлем. А я работала вот в этой библиотеке. А потом... Как я оказалась в самом Ярославле... Надо сидеть, соображать... В общем, я оказалась в самом Ярославле, в областной библиотеке, и в чине заведующей методкабинетом библиотечного дела при Ярославской областной библиотеке. Вот. А эта областная библиотека, она располагалась в соборе, ярославском соборе... Там абсолютная слышимость была, потому что огромное здание церковное... Представляете, собор? Вот. И там сделали перекрытия междуэтажные, вот, и там мы работали. Там интересно было. Прекрасная библиотека, очень хорошая. Вот. И я как-то там пришлась ко двору. А потом я... уехала из Ярославля... А почему я уехала?... А, объявление в газете прочитала, что Вологодскому сельхозинституту требуется

заведующий отделом художественной литературы библиотеки. И я поехала. Списалась с этим сельхозинститутом. Получила приглашение и поехала туда. Вологодский сельхозинститут- это было первое сельскохозяйственное учебное заведение в России. Первое. Построил его, я уже не помню, совершенно... В общем, какой-то богатый человек, построил в таком стиле – готика, как старинный замок, такое здание. Вот. На базе, вологодское масло – знаете, что это такое? Так вот, этот самый, этот участок вологодской земли, где выращивали скот и изготавливали это вологодское масло, вот, на этой базе был построен этот сельхозинститут. Так что это было такое солидное заведение. Вот. Причем, под одной крыше с институтом был цех, в котором изготавливали сгущённое молоко (тогда это только начиналось) и плавленые сырки (то же было новое совершенно). Вот. А я работала там в библиотеке. Хорошо как-то там, очень хорошая обстановка была, народ хороший. Вот. Это был, значит, 39-й..., 40-й год. А! Вот теперь я уже связала концы с концами! Вот. И я по возрасту была (что мне было? – семнадцать лет до войны) на уровне первокурсников-студентов этого сельскохозяйственного института, и у меня завелась там такая подружка, Лидочка Рубан, помню даже как её звали. Такая блондинка, голубые глаза, косички даже она носила. И вот с этой Лидочкой Рубан мы там... Я курила в то время. В то время уже курила. И мне дали там комнатку, в коридоре этого общежития. Я курить выходила в коридор, ... всё-таки смотрели. И вот в сороковом году вышло Постановление о плате за учебу. И институт опустел. Потому что... это, в основном, периферийные студенты были. Откуда у них деньги на оплату. В общем, народ разъехался, и Лидочка моя уехала в Новосибирск, там у нее дядя какой-то высокопоставленный был... Вот. И она мне писала письма. Причем, письма очень... Сначала всё ничего, а потом очень странные какие-то. Пишет, например (какие-то у неё завелись два кавалера – Вася и Женя): «Вася предложил Жене контрреволюционную работу», - она пишет. – «Женя сообщил об этом в НКВД. Но со стороны НКВД никаких мер не было принято. Это письмо обязательно уничтожь.» Вот. А я складывала их. Второе письмо: «Вася предложил мне лететь с ним в Латвию на самолете с золотом». Вот, такие вот письма, странные, провокационные, и черте что! И в конце тоже: «Это письмо обязательно уничтожь». И в одном из писем, какую-то совершенно бессмысленный идиотский анекдот про Сталина. И тоже: «Это письмо уничтожь». А у меня они все копятся. Вот. Потом, потом, когда я уже свела концы с концами, я поняла, что Лидочка... Просто её купили, и она писала эти письма с явно провокационной целью, чтобы меня как-то выцарапать... И вот в один прекрасный день я иду на работу, а вокруг собора там была изгородь такая, подхожу к этой изгороди, а меня встречает молодой человек приятной такой наружности, и спрашивает: «Вы такая-то?». Я говорю: «Да». «Вам придется проехать со мной». «Что, куда?» «Недалеко, до вашей квартиры.» И машина стоит черная какая-то. Мы сели. Поехали. И приехали. А я снимала койку где-то там далеко, на краю города. Почему койка-то: я спала на этой койке ночью, а моя сменщица спала днём. Больше там мест не было. Вот. Приехали мы туда. Он спрашивает: «А, где ваши вещи?» Я говорю: «А у меня нет вещей. Езжу по выходным дням к маме и забираю оттуда смену белья, и всё». «А, где вы...» А, я же училась... в это время, кроме всего прочего. Я училась... в библиотечном институте, московском. Тоже была интересная история, как я туда попала. Вот. Он спрашивает: «А, где ваши учебники?». Я говорю: «А, это на работе». Поехали на работу. Приехали на работу. А у меня, значит, в моем кабинете (я же всё-таки была начальством, заведующей этим кабинетом), стол, за

которым я сидела и стол, за который садились люди, которые приходили ко мне по делам. Вот. Он, значит, этот... он еще не представился мне. «А, где ваши учебники?» Я говорю: «А, вот». Открываю дверцы стола, говорю: «Вот, учебники». «А, где ваши тетради, конспекты, письма?» Я говорю: «А тут всё». И выволакиваю на стол кучу бумажек. Там у меня было семь тетрадей-дневников. Когда-то это считалось модным, вести дневник. И кучу писем. И вот только тут до меня начало что-то доходить. Он схватил эти письма, бросил их на тот стол, свободный, и стал их лихорадочно перебирать, явно что-то ища. И вдруг сказал: «Ах! Вот оно!» – и выхватил какое-то письмо оттуда. А потом я поняла, что эти все idiotские Лидочкины письма, это всё было написано под диктовку. Вот. И вот это предшествовало аресту. И меня арестовали. Арестовали по обвинению... У меня была статья 58.10, 58.12 этого пункта. «10» – это антисоветская пропаганда, а «12» – недоносительство. Знала и не сообщила. Если знала о каких-то, вот таких, вот, поездках в Латвию, там, вот это всё – и не сообщила. Я говорила, что, почему я должна была сообщить, когда там черным по белому написано, что этот самый «Женя сообщил об этом органам НКВД». Почему я еще должна этим заниматься. Но, короче говоря, «отмылась» я от этого, но остался этот пункт 12. Я получила 10 лет за антисоветская пропаганда. У меня в дневниках, они там прочитали... Жила я скудно в то время, Господи! Зарплата, я уже не помню, копеечная какая-то была, и я где-то пишу: «Господи! Как надоели эти копеечные расчеты!» И в скобках: «Жить стало лучше...». У-у-у, как они обрадовались! А, вот так вы относитесь к лозунгам партии и правительства. И они начали меня мытарить по этим лозунгам. «А, как вы относитесь к этому...». Меня спросили: «Как вы относитесь к нашему мирному договору с Германией?» Я сказала, что я считаю, что у коммунизма и фашизма не может быть общего пути, и рано или поздно Германия нам «подложит свинью». Это же было до войны... Господи! Обычно допросы на листе, я только в конце расписывалась, а тут этот вопрос отдельно вlepили, и я расписывалась. Вот. И потом уже, когда всё это кончилось, и мне дали посмотреть моё дело перед тем, как направить в суд, я стала искать, а где, вот этот вопрос и мой ответ. Листала, листала – нету. А это в присутствии прокурора я просматривала дело. И я говорю прокурору: «Вот, как же так? Мне, вот, задан был такой вопрос, я вот так-то на него ответила, и даже отдельно расписывалась за это всё. А где это?» «Ну, он не существенный», – вот так, вот. – «Так что, не беспокойтесь». Вот такие дела.

Это уже война началась?

Уже война началась. Меня арестовали 28 мая 41-года. До войны. И о том, что война началась, я не знала. Я сидела в одиночке.

А так и сидели в Вологде, да? Или где?

В Ярославле. Я уехала из Вологды, когда ввели эту оплату за учебу, и там никого не осталось, в этой Вологде... вот там я работала, в этом методкабинете. Да...

А вы отвечали всё, что думали, да, на допросах? Как думали, так и отвечали?

Да. А как иначе? А как надо мне было отвечать? Вы знаете, вот, в вас есть какая-то определенная провокационная какая-то жилка...

Ну, понимаете, в чем дело, мои вопросы, они могут выглядеть провокационными, потому что мне хочется какие-то ответы получить, на которые, может быть, вы даже не задумывались... А в чем вы видите опять провокацию? Что считать провокацией? Ну, конечно, мне хочется спровоцировать ваш рассказ. И только.

Нет. Я никогда... Я никому в жизни никогда не лгала. Я вообще ангел! Да.

Да?

Да. Вот я и говорю, что вы представляете себе, ведь сколько там у вас, наверное, материалов «Мемориала» есть: всяких страшных рассказов о пытках, об избиениях, обо всем этом. А меня это абсолютно миновало. Никто ничем, никак меня не обидел, не оскорбил, не тронул, - ничего. Вот так, вот.

А мама тоже была арестована примерно в это же время, да?

Да. Её арестовали 23 июня 41-го года, в первый день войны. Больше нечем было заниматься. Началась война, а они... арестовывают. И мы с ней сидели в одном коридоре, но в разных камерах. И я догадывалась, что что-то такое неладно. Потому что... Ну, у нас забирали бельё в стирку, и вот приносят стопочку, открывается это окошечко в камеру, тыкает пальцем этот, который принёс в меня: фамилия такая-то... Показывает, что, «бельё - твоё?» Я говорю: «Нет.» Уносит. Я догадываюсь, что это, видимо, мамино. Она где-то тоже тут, недалеко. А потом мы с ней встретились, в пересылке. В пересыльной тюрьме...

А её арестовали по вашему делу?

Нет.

Нет?

Нет. Это нас спасло. У неё было совершенно самостоятельное дело. У нее был пункт 58.10, это уже... Как это сказать..., это просто нашлапка ко всем. И 11-й – это групповое преступление. Вот. Причем, в этой группе кто был? Папа только, которого в это время уже в живых не было. Вот. И то, что у нас были разные дела... Мы оказались вместе, потому что если бы было одно дело, нас бы разослали бы по разным лагерям, по лагпунктам. А так мы были совершенно...

А в чем её обвиняли?

В пособничестве эсэровской организации какой-то. Вот... А эсэровская организация – это папа был в статью связан как-то. Но его уже не было в живых. Его в 38-м году арестовали и через несколько дней расстреляли. Так что это... Приговор у мамы... выглядел так. Значит, «виновной себя не признала. Свидетелей по делу нет. Вещественных доказательств по делу нет». Но, учитывая... учитывая... комплекс обстоятельств, а именно: высылка из Ленинграда в 38-м году, арест... Нет, сначала арест мужа в 38-м году, высылка из Ленинграда в 38-м году, арест дочери, и, наконец... В общем, учитывая комплекс... Но, короче говоря, что у неё были антисоветские настроения. Не мог человек всё это вытерпеть и быть хорошим! Какое идиотское было... И, вот, пожалуйста, она отсидела десять лет, и её потом еще выслали в Сибирь. Она еще там была в ссылке. А меня... Мне повезло. У меня родилась Олечка, там, в 45-м году, и меня... Какой-то умный человек издал указ от 16 августа 47-го года... (даже помню), что «женщины с детьми подлежат освобождению». И меня освободили. Вот. И никакой ссылки, ничего. Я поехала сама к маме, когда уже она там оказалась. Мы с Олечкой приехали к ней. Какие роскошные места в Сибири! О! И в этих роскошных местах, начиная, с какой? - С Екатерины Великой – туда... Нет, всё-таки у нас страшная история, конечно! Вот такие дела. Вот. А Юрий Львович... Тоже страшная судьба у человека, конечно.

Юркевич, да?

Юркевич. В первый раз его арестовали, когда ему было как и мне 19 лет. Мне же было 19 лет, слушайте... Вот. За какие-то студенческие волнения в Киеве. Он учился в Киевском университете. И выслали его в Казахстан, в Павлодар. Он пробыл там

несколько лет... Потом это всё с него сняли. Он вернулся в Москву, женился там... Его снова арестовали уже в 38-м, кажется... А потом еще раз арестовали, в 43-м году И при всём при том, он сумел получить какое-то очень хорошее техническое образование, работал инженером-конструктором. Немецкий язык выучил сам!

Рассказывать это не хватит никаких...

А какого года он рождения?

А сейчас я вам скажу. 7-го. Он старше меня на четырнадцать лет.

А где вы познакомились?

... (не слышно)

А в 43-м году он где был арестован?

В лагере.

В лагере был арестован?

Да. Второе «пришили» дело. Не только ему, у них целая группа арестована была.

Страшно... Интересно... Это было в марте 43-го года, а где-то в феврале 43-го года... У нас там была такая компания: Юрий Львович, потом Леонид Федорович...

А Леонида Федоровича фамилия?

А?

Фамилия Леонида Федоровича?

Линдберг. Вот. Панин, вот этот самый и Боречка Рехис (?). Вот, четыре человека.

Чудные люди... Господи Боже мой! Вот. Арестовали их по совершенно идиотскому какому-то обвинению, что они готовили заговор в лагере, разоружить охрану и бежать. Куда бежать? Кругом лет. Вот. Но, тем не менее...

У вас все это было в Вятлаге, да?

В Вятлаге. А до этой истории, где-то в феврале 43-го, мне снится сон, что у Линдберга день рождения, и я иду к нему и несу в руках пучок вербочки с пушистыми этими штучками. Поднимаюсь по ступенькам в его комнату и так... Такая длинная комната, и в правом дальнем углу окошко. Из него падает сноп света, и даже пылинки я вижу в этом снопе света крутятся. И такое солнечное-солнечное, такое общее состояние..., да, еще эти вербочки у меня. Вот. Я проснулась утром. А у нас в бараке была старушка такая «Мартын Задека» местного разлива. Побежал к ней: «Что такое? Что мне приснилось?» Она говорит: «Он освободится». Ну, что вы, он сидел по военной статье, ни о каком освобождении и речи быть не могло... И, представьте себе, он освободился, действительно. Вот А потом, вот, разыгралась вот эта, в марте 43-го, эта страшная история, когда их всех позабирали... Вот. А Юрий Львович, он входил в нашу компанию... Юра, Борис, Леонид и Митя Панин, друг Солженицына. Вот. Их посадили всех. Они сидели очень долго во внутренней... За забором был огромный барак – это была лагерная тюрьма. Тянулось следствие очень долго. Что им там... А у нас... В нашем бараке жила женщина, Ларина, Александра Васильевна Ларина, помню как сейчас. Она работа завхозом вот в этой, вот, тюрьме... А у Юрия Львовича была приятельница из вольнонаёмных. Это было страшно. Не дай Бог, если бы это стало известно – пропал бы и он, и она. Вот. Но, тем не менее... Но мы с этой Эллочкой, мы решили по мере наших возможностей помогать ребятам туда. А у меня мама работала в пекарне на лагпункте. И вот поэтому её хлебная пайка ей не нужна была, потому что там всякие эти корочки... В общем, ей хватало, чем закусывать. И потому у нас оказывалась одна хлебная пайка лишняя как бы. И вот мы с этой Александрой Васильевной Лариной отправляли ребятам вот этот кусочек хлеба. Ну, вот. И как-то в

один прекрасный... Да, и вот когда началась вот эта..., расхлебываться эта история... Когда посажали весь итээровский цвет, у нас очень хорошие там были инженеры... А мы с Эллочкой делали пакетик из бумаги, заворачивали этот кусок хлеба, иногда где-то луковку доставали. И чтобы ребята знали, от кого это, на этом куске бумаги, в уголочке, Элла рисовала маленькую собачку. Это был условный знак. И отдавали этой Лариной. Мы знали, что она стукачка, что с ней связываться страшно. Но что делать? Ребятам помогать надо. И вот в один прекрасный день..., а мы с Эллой работали в бухгалтерии там, открывается дверь в нашу контору, заходит солдатик с винтовочкой, и говорит: «Адасинская!» Я говорю: «Я». «За мной!» Элла побелела, не могу вам передать с какого... Она испугалась до смерти. Она решила, что я её тоже заложу и она пропала. Вот. Меня привели... Сидит такой, ну, молодой еще человек... Он представился, но я как-то не запомнила. Я помню, что майор... или Додин... или Выбин..., или Рыбин... Ну, короткая, несложная фамилия... «Садитесь. Фамилия?» «Адасинская.» «Имя, отчество?» «Галина Антоновна. Галина». «Ага, значит, Галочка. Вот, какая вы птичка». И отодвигает ящик стола и выбрасывает на стол записочки. Я недоумеваю, а он начинает их разворачивать и читать: «Милая Галочка! ... Дорогая Галочка! ... Спасибо огромное, Галочка!» В общем, здесь в записочках: Галочка, Галочка, Галочка. Он говорит «Вы что, не знаете, что нельзя состоят в переписке с заключенными?» Я говорю: «Какая переписка? Если мне пишут, и эти записки у вас, значит, я их уже не получала. Значит, никакой не может быть переписки». Он стал допытываться, а откуда, вот, у вас хлеб. Я ему и сказала, что так и так... Возможность, потому что мама работала. «А вы давно знакомы, вот, с этими людьми?» Я говорю: «Ну, как сказать, мы вместе несколько месяцев были на этом пятом лагпункте». «О чем вы с ними говорили?» Я говорю: «Вы знаете, трудно даже сказать. Они все очень образованные люди, - действительно все но были там инженеры, с высшим образованием, - а я ничто в сравнении с ними, так что никаких особенных разговорах у нас с ними не было. Так, какие-то бытовые, какая-то ... болтовня». В общем, он чего-то выпытывал, выпытывал, потом плюнул, а в то время было очень плохо с бумагой, - он достал кусочек бумажки, вот, такой вот, и стал писать. Значит, я, такая-то, «признаю, что снабжала хлебом..., - не помню имени, нет, просто: снабжала хлебом, - заключенных внутренней тюрьмы... Никаких разговоров на запрещенные темы у меня с ними не было, потому что я по сравнению с ними очень необразованный человек». Вот так. В общем... Прочитала, подписала, и отвели меня обратно. Прихожу, Элла сидит вся такая же мелового цвета. Увидела меня, и побежала (туалет у нас был в коридоре), я за ней. И она стала спрашивать: «Ну, что?» «Да ничего». Я рассказываю: «Ничего страшного не было». Вот. И прошло какое-то время... и ребят выпустили из этой внутренней тюрьмы. И как-то так получилось, что как раз наша бригада шла на работу в ворота, мы выходили из зоны, а их с той стороны пустили в калиточку. Вот. Встретились мы на «входе» – «выходе». Вот. И кто-то меня увидел и кричит: «Галочка!». Я бросилась туда. Меня обнимают, меня целуют... И Юра, который тоже там был, он мне сказал: «Галочка! Вы единственная, кто не сказал о нас ничего плохого». Я вообще ничего не сказала. Вот. Я была этим горда. Вот так, вот. Но самое интересное: их всех впустили в зону и должны были всех куда-то дальше рассылать... Был такой порядок: нельзя было оставаться на этом лагпункте. И в первый же день этого Панина отправили на Воркуту куда-то... Вот. А Боречка Рехис... Боречка?

Рехис. Да. Он проглотил кусок мыла. У него начался кровавый понос просто. И не о какой отправке, конечно, речи быть не могло. Его уложили в больничку, у нас эта была, причем, в отдельную маленькую палатку, потому что преступник. Вот. У двери поставили солдатика с винтовкой И к нему никого и никуда не пускали. А мы с ним были очень большие друзья. Он прелестный был человек... Где бы мы с ним ни встретились, он мне обязательно целовал ручку, обязательно. Вот. И я когда узнала, что он в этой палатке лежит около нашей больницы, я побежала туда. А солдатик мне перегораживает дорогу: «Нельзя! ... ». И ... он лежит, страшно было смотреть, человек изнуренный..., понос... Как он мог выглядеть?... Что-то такое сине-зелёное, и тянется к моей руке, поцеловать. Я так заплакала... Вот. И Эллочка, у нее были какие-то знакомства, там, среди вольнонаёмных, она где-то смогла доставать глюкозу, тогда это такие белые куски. Это была очень ценная вещь. Где она доставала, не знаю. В общем, мы Боречку снабжали этой глюкозой... Вот. И он выздоровел. За это время Юру отправили в Кунгур, Панина - в Воркуту, Леонид освободился. И Боречка остался на этом... Это 5-й лагпункт был знаменитый, центральный. Вот. Уже его не трогали... А там сделали дрожжевой завод, организовали. А он инженер-химик сам, нефтяник, вернее. В общем, к химии он имел отношение... Его назначили главным инженером этого дрожжевого завода... И он так и пробыл там до своего освобождения. Прелестный человек! А потом мы его потеряли... Видимо, он пропал во вторую полосу, когда снова стали брать бывших заключенных и снова их... «Повторники» их называли. Видимо, он попал в эту полосу и погиб где-то. Потому что потом мы... Элла узнала адрес его... Она узнала адрес его сестры в Москве, ... , не могли найти. А еще такое продолжение было. Значит, он лежал, в этой своей больничке, Борис, и приходит опять солдатик. и опять меня вызывает. Я иду за ним. Прихожу. Опять этот самый майор... Вдовин..., Бовин..., вот, какой-то такой... говорит: Я знаю, что вы, несмотря на мои запрещения, запреты, навещаете Рехиса. Пожалуйста, передайте ему», - и он протягивает мне такой довольно объёмистый пакет. Я испугалась... Я брала... (сбой пленки) ... рукою Бориса написано... **(конец кассеты 2 ст.В)**

Г.А. Адашинская – кассета 3 (19-05-04)

... наши мастерские..., где он работал начальником ОТК. Я смотрю, идет целая вереница людей, а среди них... Я схватила кучку каких-то нарядов и побежала, обгоняя их, в ОТК. А мы в ОТК подписывали все наряды. Вот. И я пробегаю мимо, и слышу, как он говорит, стоит в коридоре... В коридоре-то были шкафчики такие, в которые укладывалась готовая продукция... Он стоит и говорит: «Ну, куда же она могла деваться, эта карта. Я сдвинул руками её вот сюда, укладывал». В общем, врал. Какая карта-то! Эта карта – подтверждение того, что они собирались бежать. В общем, он помог ребятам... Вот. Да, такой ... тёмный человек... Он оказался за границей. За границей видел католичество... Какие-то там писал книги... У меня такое впечатление, что не он, а его жена – Иссан. Помнишь, такая, она как-то выступала у нас, её показывали... Вот. С претензией на какие-то философские откровения... Ой! Что-то такое противное... А то, что он писал в этой книге о Вятлаге, там, в общем, брехня сплошная. Юрия Львовича отправили в Кунгур – это... Там колония огромная была, пушечный завод при ней. Вот. И он оказался там. Потом уже, много лет спустя, мы встретились с ним и с Леонидом Федоровичем. Это вообще было изумительно. И Юра мне рассказывает: значит, привезли его в эту самую..., в Кунгур... Да, а когда

освободили Леонида Федоровича, вот с моим букетиком-то... Он уходил и сказал: «Галочка, я буду писать». И ничего – ни звука, никаких писем, ничего от него не было. Вот. А Юра рассказывал, значит, когда он попал в этот самый... в Кунгур. Довольно поздно было, вечером, открываются ворота, он заходит, и смотрит - навстречу идёт Леонид. Причем, в вольнонаёмном снаряжении: белая папаха, белый полушубок. И Леонид увидел Юру, и так медленно поднёс руку к губам, что - «не кричи, не удивляйся». Вот. И, в общем, они встретились и разошлись. А уже поздно вечером, после отбоя, где-то часов в 11, открывается дверь в барак, где Юру положили. Кричат: «Юркевич! На выход!» И повели его к начальнику. Леонид – начальник этой колонии. Значит, его вызвали, он же военный инженер по образованию. Его вызвали в Москву, когда он освободился, и дали ему назначение в эту самую колонию. И Юра рассказывает, кричать нельзя, ну, было поздно уже, они обнялись, расцеловались, потом сели друг против друга и шепотом спели. У них была такая, ну, как бы это сказать, ну, такая песня их условная. Её нельзя было спеть при мне, они не пели, потому что там сплошная была матерщина. Я только знаю первую фразу: «Я в Барселоне на прошлой пятнице с огромной задницей увидел б...». Вот так. И вот они сели друг против друга и дуэтом, шепотом спели эту песню. Вот. И Юра, он потом несколько лет еще был там, в этом Кунгуре, а Леонид как мог ему помогал: табачку, там, подбросит, какие-то работы лёгкие, - ну, в общем, по-товарищески так. А потом они разъехались... Леонида вызвали опять куда-то, а Юра освободился. И мне он вдруг написал, он в Москве уже был. Пишет: «Можешь себе представить, в самом узком месте Москвы, на Тверской, мы встретились с Леонидом». В Москве встретились. Оказывается его назначили главным инженером... (он инструментальщиком был по специальности). Инструментальный завод имени Ильича, не то Ильич какой-то, вот. Его назначили главным инженером этого завода Уже в Ленинграде это было. Вот. Я тут же позвонила в Справочное, узнала телефон этого завода, узнала телефон главного инженера... Позвонила... Спрашиваю: «Леонид Федорович?» У него очень красивый голос был, тембр хороший, чудный бархатный голос, такой фирменный. И вот он своим бархатным голосом: «Да. Слушаю вас». Я говорю: «Это говорит Галя Адашинская.» Он так помолчал минуточку, потом говорит: «Простите, запомнил.» Я: «Ну, как же так, Леонид Федорович. А 5-й помните? А «Недотрогу?»» И он вдруг, я слышу, он так закричал! Представляете, что там окружающие подумали! «Галочка! Где вы?!» Я говорю: «Да тут недалеко». В общем, мы с ним договорились встретиться. Встретились... и пошли в ресторан... Это угол Большого и Рыбацкой. Он тогда назывался «Расхванов» (?), так что называется «Приморский», по-моему. Пошли мы с ним в этот ресторан... и весь вечер там просидели. Разговаривали, вспоминали.. И он спел это танго прелестное «Недотрога». Я была ... , он сам сочинил. Так что он прекрасно играл на гитаре и стихи писал он. Потом где-то в какой-то передаче вдруг какие-то другие имена возникли. Но я не верила... Вот. К нам подошли две женщины в ресторане, а там столики такие: два места здесь и два там. Два места у нас занято, а там свободно. И подошли эти две женщины, и говорят: «Вы нас простите, мы видим, что к вам никто не подходит, можно мы посидим с вами? А то нельзя женщинам в ресторане сесть за столик, обязательно начинают приставать». «Да ради Бога!» И вот они сидели, о чем-то своем, мы – о чем-то своем. И Леонид сказал: «Вятлаг – это были золотые страницы моей жизни». Вот так, вот.

А в каком году это было, вы не сказали.

А, там, где-то, это было в 80-е...

В 80-е? А-а-а... А ваша дочь? Как она родилась? И кто её отец? Вы об этом можете рассказать?

Отец её композитор Поль Марсель. Был такой. Песенку «Дружба» знаете? «Когда простым и тёплым взором...», - вот это его песенка.

А, да.

Вот это его песенка. Её поют неправильно... Вот это его песенка. Я вам покажу...

А вы тут есть?

Да.

Где? Вы этот самый момент фотографирования помните?

Нет.

А сколько вам здесь лет?

...

А фотографий у вас много сохранилось?

Нет.

А лагерные ваши фотографии есть?

Что?

В лагере не фотографировались?

Где?

Случайно, в лагере?

Там не фотографируют. Там только анфас и профиль.

А, скажите, Поль Марсель, это его настоящее имя? Или это псевдоним?

Его настоящее имя Леопольд Марсель Александрович Русаков. Вот. И всё это сократилось до... Поля Марселя. Где-то там, в папке, которую мы убрали, там лежит конверт с его... фотографиями...

А он тоже сидел в лагере, да?

Да.

А можно посмотреть?

Что?

Тот конверт можно посмотреть?

Что посмотреть?

С его фотографиями конверт можно посмотреть?

Да, я не помню, где фотографии... ..Зелёные, с завязочками. Там внутри несколько коричневых ...

Ага.

Они очень интересные.

Женщина эта кто? Он с женщиной уже в довольно пожилом возрасте.

Это сестра. Его сестра. Анита.

А как он попал в лагерь?

Что?

Как он оказался в лагере?

Интересно... Как оказываются в лагере?! Пришли и арестовали.

А в каком году его арестовали?

В 37-м.

«Любимая Галя! Посмотри, каким был твой Поль в 37-м году. Любуйся и вспоминай того, который помнит тебя каждый день. Твой Поль. Свердловск. 14 апреля 47-го

года.»

Это он уже освободился. ... в феврале 47-го года. Его понесло по всяким городам...

«Любимая Галочка! Моя душа никогда так сильно не нуждалась в освежении (?) как сейчас. Моя муза до краёв наполнена верой во мне (?), в мои силы. в моё будущее.

Лейтмотив моей жизни – ты и Оленька незабвенная. Галинька! Я снимался в 37-м за три дня до моего... В Калининграде. Целую. Твой Польчик.»

«Родная Галя! В знак добрых чувств. Твой Поль.»

«Галинька! Опять кажется плохо я вышел. Снимался в День победы, 9-го мая. В общем, смотри и любуйся, каков твой Поль спустя три месяца со дня нашей разлуки. Город Чкалов. 26 мая 47-го года.»

... работал после освобождения он где-то жил в ссылке? Или ссылки у него не было по приговору? Не было?

Он руководил бродячим оркестром в цирке, в нашем Он еще работал, всё время... А это вы с ним? «Поль, сестра, Анита и я.» Это вы, да? Здесь стоите третьей?

Да.

А вы потом поженились? Нет?

Что?

Потом не поженились вы?

– Он женился на какой-то другой женщине.

Уже после освобождения?

Да.

Это он так просто вам подарил свой портрет?

Да.

Это он так оформил или вы, этот портрет?

Это он. Вернее не он, а его друзья...

«Любимая Галинька моя! Что день грядущий мне готовит? Быть может, блеснёт завтра луч денницы и заиграет яркий день, или, быть может, я гробницы сойду в таинственную сень.»

Вы устали?

«Родная Галчонок! Это я в порыве гнева от того, что никак не удаётся найти мне того аккорда, чтобы Оленька могла уснуть от моей колыбельной песенки. Оказывается - ура! ура! - я догадался от чего Олюсинька плачет. Она просит, чтобы я лучше написал задравную песню в честь рождения её мамочки. Да? Итак, поздравляю, поздравляю. Наконец-то, моя маленькая рыжая Олечка засмеется. Засмеялась. И Галинька улыбнулась, и бабушка тоже. Вот и хорошо. Твой Поль.»

...семь хозяек...

А можно я сделаю потише [телевизор включила]?

...шумная, скандальная коммуналка. Я как-то в один из трёх дней вышла на кухню, и одна из соседок чего-то на меня голос повысила: что-то я чайник не на место поставила. И я ей сказала: «Имейте ввиду, со мной поспориться нельзя.» И ушла. И потом прошло несколько дней, и она всё как будто сама себе под нос говорила: «Вот, дура! Вот тянет меня за язык... Надо же...». В общем, помирились И потом кто-то из соседок мне говорит: «Вы знаете, когда вы въехали в нашу квартиру, на нас будто елей пролился.» Перестали скандалить. Стали так дружно жить... Расставались прямо со слезами, когда нас расселяли уже. Вот так. Елей мне запомнился. **(конец записи)**